

Жизнь промчится, не дав ответа,
 Будет ночь, пустота и страх,
 И лиловый налёт рассвета
 На искусанных в кровь губах.
 Будет шёпот, неловкие ноги,
 Облегченье последних слёз
 И над синей стрелой дороги
 Симфонический шум берёз.
 ...Брат мой, ветер! Вдувая одежды,
 Ты дорогу за мной просуши...
 Дай мне, Боже, хоть тень надежды
 На бессмертье моей души!

Тревожная и тихая погода,
 Высокие, как небо, деревья,
 И штукатуркой сыпется листва
 С немного протекающего свода.
 Есть в жизни предков древняя свобода
 Платить судьбой за лучшие слова.
 Их Муза в смертный час ещё жива
 Величьем исчезающего рода.
 Так жив и я. И Лира не забыла,
 Как падал снег на чёрные стропила
 Нагих ветвей. Как осень, сжав уста,
 Ушла одна с пустынного бульвара,
 И новый день не поднял с тротуара
 Перчатку пятипалого листа.

1

Там, где кедр с обломанной вершиной
 Над седой стеной монастыря,
 Где встаёт над мокрою машиной
 Сизая осенняя заря.
 Как в огромной выставшей квартире,
 Где по стенам солнечные швы,
 Я живу в пустеющей Сибири
 И люблю Марию из Москвы.
 В головах Саянские отроги,
 Енисей вливается в висок,
 Руки, как огромные дороги,
 Пролегли на запад и восток.
 В каждой я держу по океану,
 Не испить, не слить, не уронить,
 Как же мне, разъятому орлану,
 Самого с собой соединить?
 Снег идёт задумчиво и косо,
 Головы застыли на весах,
 И бессонно крутятся колёса
 В головах, машинах и часах.

2

Помнишь, Маша, снежные равнины,
 Облаков тяжёлые гряды,
 Лошадей заснеженные спины
 И костры мятежной слободы.
 Помнишь синеватые рассветы,
 На окне морозные цветы,
 Розвальни, телеги, лазареты,
 Отпеванья, свечи и кресты?
 Помнишь, как ты плакала с причала,
 Как ждала, безногого, с войны,
 Как меня с тобою разлучала
 Полоса взбесившейся волны.
 Как ждала годами из острога,

Как крестила с берега в Крыму,
Как меня последняя дорога
Забирала в ночь на Колыму.
Помнишь суету у вертолёта,
Как белели пятнами снега,
И сверкали зеркалом болота,
И дрожала синяя тайга.
Как возили письма на оленях,
Строили дороги и мосты,
Как над океаном на коленях,
Я стоял, слепой от красоты,
Мы прошли сквозь столькое разлуки...
Что же между нами пролегло?
То ли деньги высушили руки,
То ли небу выбили стекло,
То ли ничего не происходит,
То ли одинокий человек
В своём сердце больше не находит
Отраженья гор, морей и рек.
То ли что-то главное забыто,
То ли тебе, правда, всё равно,
То ли мира спятившая бита
Выбивает слабое звено.

3

Снова выезжаю на дорогу,
Всё как прежде, дали и снега,
Снова ночь. И снова внемлют Богу
Океаны, горы и тайга.
Под капотом тихо и бесстрастно
Пьёт мотор ночную синеву,
Звёзды светят холодно и ясно
Над землёй, которой я живу.
На душе старинная тревога...
И опять заправка, переезд,
Дробь колёс и дальняя дорога,
Как «корона», «креста» или крест.

4

На дороге сумрачно и сыро,
До Урала близко и уже
Белый «марк» работы Кунихиро
Не прижмёт плавник на вираже.
Стрелки лобового циферблата
Расчищают память, не щадя,
И мешают зарево заката
С пеленой холодного дождя.
Снова ночь над лесом и степями,
И под синим маревом светил
Кажется ненужными словами
Всё, что я тебе наговорил.
Леденеет крестик на решётке,
Свет восхода льётся в зеркала,
И считают вытертые щётки
Километры мокрого стекла.

5

Больше нет ни юга, ни востока,
Только ветры стылые сквозят.
Маша, ты всё так же одинока,
Как и триста лет тому назад.
Ну чуть-чуть... Ну еду... Ну немного...
И спюют под утро тормоза.
Почему ж так пристально дорога
Смотрит в запотелые глаза,
Что за непосильная забота
Сводит переезды и мосты:
Впереди огромные ворота,
И открыть их можешь только ты.
Ты открой, и стихнут ураганы
Над моей двуглавой головой.
И тогда охотские туманы
Встретятся с балтийской синевой.
И над этой слившейся пучиной
Я замру, ни с кем не говоря,
Словно кедр со сломанной вершиной
Над седой стеной монастыря.